

Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков. Сборник статей, Ижевск—Будапешт 2015. 624 с.

В основу сборника легли материалы международной конференции, посвященной 70-летию профессора Валея Кельмаковича Кельмакова. Конференция состоялась 14—15 марта 2012 года в Удмуртском государственном университете. В предисловии (авторы Н. В. Кондратьева и М. А. Самарова) коллеги поздравляют В. К. Кельмакова, желают долгих лет жизни, здоровья и новых профессиональных достижений.

Раздел «О юбиляре» составляют восемь статей. Их авторы попытались раскрыть спектр интересов одного из ведущих финно-угроведов, крупнейшего специалиста по пермским языкам В. К. Кельмакова. Л. Л. Карпова знакомит с научной и творческой биографией ученого и педагога, отмечает, что он по праву считается одним из ведущих специалистов по удмуртскому языку. С. Сааринен характеризует В. К. Кельмакова с точки зрения финских и западных исследователей: чтение лекций по удмуртскому языку и диалектологии в университетах Турку и Хельсинки, подготовка и издание совместных с финнами проектов «Udmurtin murteet» (1994) и «Udmurtin kielioppia ja harjoituksia» (1998). Ш. Чуч выделил три направления научной деятельности ученого: удмуртская диалектология, история удмуртского языка (с акцентом на системе звуков) и история науки. Л. М. Ившин представил труды юбиляра о памятниках ранней удмуртской письменности, а Н. М. Люкина — работы, посвященные одному из наиболее спорных удмуртских диалектов — бесермянскому. Ю. В. Псянчин разбирает статью В. К. Кельмакова «Три этапа в истории удмуртской антропонимии». Особо ценным для региональной тюркологии, подчеркивает автор, следует считать наблюдение юбиляра о появлении значительного тюркского пласта в удмуртском антропонимиконе.

А. Г. Шкляев обращается к монографии В. К. Кельмакова «Очерки истории удмуртского литературного языка» (Ижевск 2008). Статья В. К. Кельмакова «Я — лингвист, тем, возможно, и интересен...» — своеобразная автобиография юбиляра. Он откровенно рассказывает о случайных и неслучайных «курьезах», благодаря которым сложился как человек, как работник науки, как преподаватель. В. К. Кельмаков с болью в сердце отмечает не всегда объективное отношение нашего общества к деятельности ученого с «критическим умом».

Следующий раздел «Научные статьи и исследования» объединяет 89 статей разного объема, посвященных взаимодействию и взаимовлиянию языков, ономастике, диалектологии, исторической и современной грамматике и лексикологии удмуртского и других языков, социолингвистике и преподаванию языков в образовательных учреждениях.

В статье Т. А. Воронцовой и Н. Ф. Кривовой излагаются социальные и политические причины качественного изменения взаимодействия русского и удмуртского языков. Отмечено закрепление элементов удмуртского языка в городском молодежном сленге. О. В. Игнатьеву интересует описательный перевод: она показала, что при избыточной экспликации растет риск внесения в переводной текст смыслов, отсутствующих в оригинале. Е. А. Игушев на богатом фактическом материале еще раз доказывает не только общность происхождения коми и мансийского языков, но и наличие тесных контактов коми и мансийского этносов после распада финно-угорского праязыка. Ю. В. Псянчин рассказал о первом этапе исследования башкирско-финно-угорских языковых параллелей Н. Х. Максютовой, С. Ф. Миржановой и Н. Х. Ишбулатовым, зачинателями нового на-

правления в башкирской диалектологии. Р. Т. Сафаров показал, как в удмуртский язык проникло слово *тушмон* 'враг, недруг'. С точки зрения этимологии, отмечает автор, это не тюркизм, но в контактологическом аспекте его следует признать тюркизмом. С. С. Сибатрова считает, что под влиянием русского языка сложились отдельные аналитические формы превосходной степени прилагательных в марийских диалектах, появилось и получило развитие постпозитивное и различное дистантное употребление прилагательных по отношению к определяемому слову. О том, как в татарском и марийском языках под влиянием комплекса факторов фиксировалась, кодировалась и отражается картина мироощущения на лексико-фразеологическом уровне, поведала Ф. И. Тагирова. Говоря о языковых контактах, Э. В. Фомин отметил, что совпадения, общие закономерности функционирования языков — это результат глобальных интеграционных процессов на языковом уровне. Е. А. Цыпанов проанализировал заимствованные и исконные названия бани в финно-угорских языках и пришел к выводу, что у многих финно-угорских народов парная баня как отдельное строение появилась не очень давно. Баня по-черному издавна существует у северных народов — финнов, карел, коми-зырян.

Статья М. Х. Анваровой посвящена антропонимам, образованным путем соединения двух или более основ, при этом чаще других встречается антропокомпонент *нур*. Н. В. Казаева анализирует этимологию лексем, которые встречаются в мордовской топонимии и выражают пространственные отношения. Она приходит к выводу, что наиболее частотные слова локально-пространственного значения имеют уральское/финно-угорское или собственно мордовское происхождение. Л. Е. Кириллова обращает внимание на особое явление в топонимии Удмуртской Республики — эпексегезис, когда к апеллятиву — основе первого компонента названия — прибав-

ляется второй апеллятив со схожим значением.

Н. А. Агафонова анализирует подверженность лексикализации (точнее, вербализации) неглагольных частей речи в эрзянских диалектах и в мордовских литературных языках. Работа А. Т. Байдуллиной посвящена компаративным фразеологическим единицам в татышлинском диалекте удмуртского языка как своеобразному средству выражения сравнения. В. Н. Максимов исследовал лексические заимствования из татарского языка, используемые в речи марийцев в качестве омонимов. С. А. Максимов приводит все диалектные обозначения понятия 'лакомка' в удмуртском языке (более 20). Исследование С. Г. Моторкиной посвящено диалектизмам в говорах Чувашского Присурья, которые имеют значительные расхождения в фонетическом, грамматическом и лексическом аспектах. Е. С. Рябина показала распространенность цветовых категорий в диалектах удмуртского языка. В исследовании С. А. Сажинной анализируются фонетические явления в области согласных (выпадение, дезаффрикатизация, ассимиляция и др.). Е. Н. Федосеева рассматривает лексические особенности смешанного наречия коми языка, которое является своеобразным мостиком между пермяцкими и зырянскими диалектами.

В статье Э. Асталаш показано, что и в удмуртском, и в венгерском языках превербальных объектов встречается больше, чем поствербальных. Е. Б. Белова экспериментально проанализировала удмуртские согласные фонемы *l* и *l'*. О. Г. Борисова пишет об орфографических разночтениях в обозначении палатальности согласных, которые связаны с произношением, и грамматических вариантах в инфинитивных формах глагола, которые обусловлены диалектными особенностями речи писцов. Ф. Ф. Гаффарова рассмотрела термин *арыш анасы* 'спорынья' (досл. 'мать ржи'), который, по ее словам, представляет собой довольно своеобразный отзвук языческих верований древних хлебо-

робов. Е. Н. Гребнева проанализировала этнографические названия из словаря Х. Паасонена с точки зрения суффиксального словообразования (лексема, образованные при помощи суффиксов *-кс* и *-вт*). Работа Н. И. Гуляевой посвящена одному из видов вопросительных предложений, имеющему две разновидности: удостоверительно-вопросительные и предположительно-вопросительные. В. Н. Денисова выявляет недостатки в существующих классификациях согласных звуков современного удмуртского языка и предлагает классификацию согласных с применением принципов и терминов, предложенных Л. В. Щербой. Д. А. Ефремов на основе большого фактического материала показывает, что имена (существительные, прилагательные и числительные), как и глаголы, обладают свойством управления — в определенных условиях могут требовать постановки лексемы (как именной, так и глагольной) в определенную грамматическую форму. Объектом разбора М. И. Ипаковой стали слова, обозначающие органы чувств человека. Б. И. Каракулов анализирует ошибки в удмуртском языке центральной газеты Удмуртской Республики «Удмурт дунне». Е. С. Коваль обратился к теме компаративности в коми языке. Он обстоятельно анализирует послеложную конструкцию, в которой используются как маркеры сравнения *кодъ* и *моз* 'как, будто, словно'. Исследование Т. А. Красновой посвящено взаимоотношению интонационных и неинтонационных (лексико-грамматических) средств удмуртского языка для выражения вопроса. Н. М. Мосина рассматривает морфологические средства выражения и семантическое содержание глубинных падежей субъекта — агента, бенефициатива и каузатива. В работе Б. И. Осипова и В. К. Кельмакова рассказывается о попытках организовать экспериментальную работу по фонетике и письму в Удмуртском государственном университете в 1970—1980-х годах. Авторы с сожалением отмечают, что хотя исследованию фо-

нетики начало и было положено, но экспериментальное изучение проблемы письма осуществить не удалось. Т. В. Пантюхина знакомит с послеложно-личным местоимением как одним из многочисленных разрядов этой части речи. Статья А. Н. Ракина посвящена заимствованиям в КЭСК, проникавшим в коми язык в результате взаимодействия с соседними народами или через их посредничество на протяжении многих тысячелетий. Самую многочисленную группу составляют русские проникновения, часть из них восходит к древнерусскому языку. Г. В. Рябова рассматривает лексическое значение слова с точки зрения способности воздействовать на чувства человека и вызвать у него определенные эмоции. М. В. Соколова выявляет специфические семантические характеристики фразеологических единиц в финском языке, называющих качества человека на основе метафоризации и сравнения. В работе О. Б. Стрелковой рассматривается вопрос о дифференциации основной формы имени существительного и его именительного падежа в грамматиках удмуртского языка 1962 и 2011 гг. Статья Н. Н. Тимерхановой посвящена структуре предложения. О. В. Титова проанализировала удмуртскую лексику гужевого транспорта. Д. В. Цыганкин на основе многочисленных соответствий показывает, что вепсский и мордовские языки донесли до наших дней общеволжские корневые элементы, обогатившие словарный состав обоих языков. С. Н. Широкова рассматривает некоторые эмоциональные удмуртские междометия, обозначающие испуг, удивление, радость. О. А. Шитц акцентирует внимание на различиях в коми и удмуртских словоформах, которые имеют качественную, предметно-вещественную, локально-темпоральную и иную семантику. Объект анализа Г. А. Эрциковой — частицы, семантика и функция которых приобретают определенность только в контексте.

Целый ряд статей сборника посвящен литературе и фольклору на

пермских языках, а также трудностям и погрешностям перевода на национальные языки. Интересны и статьи по проблемам социолингвистики. Авторы приводят много фактов, высказывают обеспокоенность языковой ситуацией и конкретные предложения по ее улучшению. Обстоятельное освещение в рецензируемом сборнике получила и тема преподавания родного и иностранных языков: история вопроса, составление и издание учебников и учебных пособий, подготовка преподавателей и т. д.

Завершают сборник две рецензии. Одну Б. И. Каракулов посвятил

книге В. К. Кельмакова «Вехи истории удмуртского языковедения». Во второй Н. В. Кондратьева знакомит читателя с «Удмуртской грамматикой» Э. Винклера, изданной в Германии в 2011 году.

Л. М. ИВШИН (Ижевск)

Address

L. M. Ivšin
Udmurt Institute of History,
Language and Literature
E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru